

Научная статья
УДК 811'34
doi: 10.17223/15617793/520/5

Компоненты слухового образа в процессе восприятия вокально-музыкальной фразы

Елена Викторовна Петроченко¹

¹ Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, petrochenko@mail.ru

Аннотация. Исследуется характер перцептивного опыта при восприятии вокальной речи. Устанавливается, что он проявляется в интонационной направленности слуха: в идентификации интонации родного языка и вербальной оценке его эмоциональных смыслов. Описывается психолингвистический эксперимент с различными профессиональными группами аудиторов на материале вокальной формы песенного фольклора. Выявлено наличие единого инвентаря перцептивных доминант и социально обусловленное расширение объема эмоциональных вариантов перцепта.

Ключевые слова: восприятие, вокальная речь, интонация, психолингвистика, перцепт, слух носителя языка

Для цитирования: Петроченко Е.В. Компоненты слухового образа в процессе восприятия вокально-музыкальной фразы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 49–56. doi: 10.17223/15617793/520/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/5

Components of auditory image in vocal-musical phrase perception

Elena V. Petrochenko¹

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, petrochenko@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of researching vocal-musical phrase perception. Vocal music is regarded as one of the forms of speech, which has its standards and images in the perceptual base of a native speaker. The paper presents data on the native speaker's perceptual experience of vocal speech. The case study was based on the following material: 1) vocal phrases (a cappella) from traditional Russian and Western European song folklore: *M. Balakirev. Russian Folk Songs* (13 phrases) and songs of French-German origin *Lieder vom Volkslied* (4 phrases); 2) verbal reactions of Russian speakers with humanities (60 people) and technical (60 people) backgrounds to the vocal phrases. A psycholinguistic experiment was conducted to obtain information about the components of the auditory image in the mind of a native Russian speaker. The method was developed at the Scientific and Methodological Phonetic Center of Voronezh State University (headed by Prof. L.V. Velichkova). The study involved 120 participants. In Experiment 1, the participants listened to a vocal phrase and recorded their reactions in a protocol, choosing one of three options: "Russian folk song," "Not a Russian song," or "I can hardly say." In Experiment 2, the participants named the emotion conveyed by the vocal phrase they perceived. A mental set was created in the form of a set of lexical units denoting basic emotions (based on E.N. Vinarskaya). A total of 6,480 responses were obtained from the participants. Their analysis allows the author to draw the following conclusions. The perception of vocal speech is nationally marked in terms of intonation and emotion, and differs depending on the level of auditory differentiation among various categories of native speakers. A vocal phrase is perceived at the level of sensations united into an auditory image, or percept. This percept includes the following components: 1) native or non-native language intonation, 2) vocal and speech genre, and 3) emotional features. The percept "Russian folk song" exhibits high auditory activity in the linguistic consciousness of native speakers. A unified inventory of perceptual dominants and a socially conditioned expansion of the range of emotional variants of the percept have been identified. The proportion of participants who identified their native language intonation ranged from 52% to 98% for particular phrases. The most frequent evaluations of emotional meaning accounted for 57% to 72% of responses. An emotion is identified within the same modality zone, confirming the existence of common mental codes for the formation of the "Russian folk song" percept. The inventory of perceptual dominants is broader among humanities students and those with additional musical education. They demonstrate an expanded range of emotional variations of the percept. Emotional meanings such as "praise" and "reproach" are present in the percepts of individuals with humanities backgrounds as well as those with musical experience.

Keywords: perception, vocal speech, intonation, psycholinguistics, percept, native speaker's hearing

For citation: Petrochenko, E.V. (2025) Components of auditory image in vocal-musical phrase perception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 49–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/5

Введение

Проблемы восприятия вокальной музыки, вокальной речи традиционно изучаются в ряде научных направлений – в общей психологии, музыкальной психологии и музыковедении и почти не рассматриваются в языкознании. После известных трудов отечественных психологов (Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова, Е.В. Назайкинского, В.М. Морозова) о специфике музыкального слуха (преимущественно звуковысотного, ладового) в отношении речевого (тембрового, фонематического) с тезисом о безусловном влиянии речевого опыта на слуховое восприятие музыки [1–4] время от времени появляются работы, в которых ученые обосновывают глубинные онтологические и когнитивные связи музыки и языка, функционирование единых интонационных средств [5–8]. Экспериментальное изучение перцепции вокально-музыкальной речи до сих пор представлено исключительно работами музыковедов и психологов, среди которых значимое место занимают исследования академика В.М. Морозова. В его недавних экспериментах [9] главным образом выявляется степень различимости (чувствительности) мелодического и эмоционального слуха музыкантов и людей разных профессий при восприятии вокального голоса. Настоящее исследование представляет собой попытку рассмотреть восприятие вокально-музыкальной материи как явления речевого, а значит, лингвистического.

Наметившийся в лингвистике поворот к исследованию звучащей речи, подразумевающий получение экспериментальных данных о воспринимаемых качествах и значениях, объясняет интерес к изучению музыкальных явлений в реальном акте восприятия. Вокальная музыка как одна из форм речи, имеющая свои *эталоны* и *образы* в перцептивной базе носителя языка [10], заслуживает специального изучения в различных аспектах. *Вокальная форма* языка – общее понятие для звучащего текста вокальной музыки различной протяженности, предложенное нами для введения в метаязык лингвистики, психолингвистики и речеведения [11]. *Вокально-музыкальная фраза* выступает как речевая порция данной формы языка, с которой на фонетическом уровне соотносятся тактемы и мелодемы. **Объектом** настоящей работы является вокально-музыкальная фраза в акте восприятия носителем языка. Сведения о характере восприятия, о результатах перцептивного процесса возможно получить с применением методов психолингвистического эксперимента [12–14].

Изучение антропофонического аспекта вокальной речи [4, 5, 15, 16] убеждает в том, что перцептивно-слуховой опыт человека – слышать *интонацию* голоса, или *тон* родного языка как некий пучок тональных признаков (мелодии, интервалов, лада, регистра, тембра, ритма) – сформировался в процессе слухового восприятия форм национального фольклора. В этой связи наиболее подходящим источником для получения данных о компонентах восприятия голосовых фраз, интонаций и эмоций родной речи представляется вокальная музыка традиционного, преимущественно крестьянского фольклора устной традиции [5, 17].

Данная вокальная форма представляет интереснейший в *интонологическом* плане объект для исследователя-языковеда. Лингвистически значимые сведения, опосредованные интерпретирующей функцией языкового сознания в процессе слухового восприятия вокальных фраз национального фольклора двух языковых культур (русской и западноевропейской, франко-немецкой), выступают в качестве **предмета** настоящего исследования.

Задачи настоящего исследования состояли в том, чтобы 1) установить наличие музыкально-языковой связи в акте перцепции вокальной фразы, которая обеспечивает стабильный/нестабильный отклик слушателя на интонацию родного/неродного языка, и 2) сравнить объем смысловых компонентов, различаемых группами *наивных* носителей языка гуманитарных и технических сфер профессиональной деятельности. С помощью **метода** психолингвистического эксперимента предстояло выяснить, зависит ли объем инвентаря различаемых эмоциональных смыслов от факта наличия у реципиента специального музыкального образования (в частности, практики музицирования).

Полезными в психолингвистическом плане представляются философские музыкально-психологические теории интонации (Б.В. Асафьева [17], А.В. Тороповой [18], Н.М. Гариповой [19] и, в частности, термин «перцепт». Понятие *перцепт*, разработанное на восприятии визуальном [20], с недавних пор стало применяться к восприятию (вокальной) музыки. Перцепт трактуется как целостный музыкально-слуховой образ, возникающий в результате «фильтрации» и «осознания» характеристик звукового сигнала, основой которых являются физиологические ощущения (высоты звука, его продолжительности, динамики, тембра и пространственной локализации) [19]. На уровне языка перцепт выступает как психолингвистическая категория.

В основе психолингвистического подхода к исследованию звучащей речи, сформулированного Л.В. Величковой, лежат два тезиса. Первый относится к факту акустической природы языка, из чего вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую акустическую природу. Далее: воспринимаемая речь, мы прежде всего регистрируем комплекс признаков, характеризующих говорящего и его состояние, что говорит о первичности экспрессивной функции средств звучащей речи [21]. Эти положения, очевидно, приложимы к вокальной музыке. В нашем понимании перцепт материи музыкально-речевого жанра – это некий обобщенный образ певческого (вокально-музыкального) звучания голоса, существующий в языковом сознании большой группы людей, объединенных одним языком и одной культурой. Структура перцепта имеет зонный, динамический, эмоциональный и, вероятно, *нелинейный* характер.

Цель настоящей работы – представить данные психолингвистического эксперимента, свидетельствующие об интонационной направленности слуха при восприятии вокальной речи, проявляющейся в идентификации национально специфического тона родного языка и вербальной оценке его эмоциональных смыс-

лов. Интонационная направленность слуха (первоначально термин Б.В. Асафьева) понимается в современной психологии как закономерное действие механизмов сенсорики при восприятии музыкального сигнала, выраженное в неосознаваемом мышечно-моторном *соинтонировании* и целостной смысловой обработке ощущения психикой [18]. Логично полагать, что мышечная моторика реагирует на движение тона вокальной речи – целостного континуума звучания, соотносимого в сознании со звучанием родного (не родного) языка.

В качестве *материала* служили : 1) вокальные фразы (в акапельной форме) из традиционного русского и западноевропейского фольклора: «М. Балакирев. Русские народные песни»¹ («Сидит наша гостинька», «Винный наш колодезь», «Не спасибо те, игумену, тебе» и др., всего 13 фраз) и франко-немецкого происхождения из электронного песенного архива «Lieder von Volkslied»² («Ich stehe auf einem hohen Berg», «Der Winter ist vergangen» и др., 4 фразы), 2) вербальные оценочные реакции носителей русского языка гуманитарных (60 человек) и технических профессий (60 человек) на вокальные фразы (всего 6 480 оценок).

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют методы психолингвистического эксперимента, в которых производится анализ вербальных реакций испытуемых на возникшие слуховые ощущения от звучания и использование представлений и образов памяти из прежнего опыта (А.А. Леонтьев, Л.В. Выготский), понимание ведущей роли интонационных параметров и первичности восприятия эмоциональных смыслов (работы Е.Н. Винарской, Л.В. Величковой). Слуховая система, как известно, выполняет действия по первичному анализу звукового сигнала, а в речевой зоне Вернике происходит перевод перцептивных качеств в целый ряд смыслов, важнейшими из которых выступают эмоциональные и грамматические (коммуникативные). Предметом интонологического интереса, согласно постулатам А.А. Леонтьева, становится не «статический коррелят» интонационной единицы в психике носителя языка, а «речевая операция» [12]. Применительно к рассматриваемой нами вокальной форме предметом исследования является *акт интерпретации* параметров вокальной фразы, результатом которого является *перцептивный образ*, несущий языковой смысл. Перцептивный образ, возникающий на основе слуховых ощущений и деятельности целого ряда сенсорных анализаторов, являясь *слуховым образом* по своей психофизиологической природе, формируется в процессе естественной когниции, понимаемой как механизм использования предзнаний, опыта, навыков, т.е., ментальных действий. Перцепт является обобщенным образом, неким абстрактным образцом возможных в данной музыкальной и языковой культуре звучаний тона голоса.

По мнению отечественного нейролингвиста Е.Н. Винарской, воспринимаются не объективные зна-

чения, а субъективные личностные смыслы, или производные основных (базовых) эмоций, представляя динамичную *зону* субъективного ощущения эмоции [22]. Первичность эмоций по отношению к грамматическим единицам и *нелинейные* свойства слуха позволяют допустить предположение, что структура перцепта не сводится к мелодической форме.

Музыкальность *речевого* слуха заложена в человеке от природы. Однако, с одной стороны, следует признать наличие «сенсорных доминант» (понятие А.В. Торповой) в музыкально-языковом сознании различных социальных групп, имеющих не одинаковый по составу интонационный «словарь» или «фонд» (в теории интонации Б.В. Асафьева). С другой стороны, очевидно, что носитель языка (в норме) слышит все в интонации родной речи – и эмоциональные смыслы (радость, печаль, угроза и пр.), и грамматические признаки коммуникативных типов высказывания (утверждение, вопрос, побуждение, незаконченное высказывание), только анализ этот им не осознается. В условиях эксперимента становится возможным перевести восприятие интонации с бессознательного уровня на уровень сознания.

Анализ данных настоящего психолингвистического эксперимента проводился в следующей последовательности: 1) наблюдение над первоначальной реакцией испытуемого на звучащую речь (вокальную фразу без слов), выраженной в уверенном/неуверенном узнавании вокально-речевого жанра; 2) анализ ответов на определение испытуемым национально-языковой принадлежности вокальной фразы на основе слухового ощущения; 3) анализ воспринятой испытуемым эмоции в прозвучавшей вокальной фразе; 4) сопоставление воспринятой эмоции с семантикой песенного мотива; 5) установление наборов перцептов у различных категорий носителей русского языка и представление тенденций в математических величинах.

Исследование и результаты

Материал эксперимента. Испытуемые. Применялась методика, разработанная и апробированная в целом ряде психолингвистических экспериментов по восприятию звучащей речи в Научно-методическом фонетическом центре Воронежского государственного университета [21, 23]. Звучащие фразы представляли собой вокальную форму (далее – ВФ) в виде мотива песни, реализованного женским голосом (альт) без артикуляции, закрытым ртом. Данная ВФ, в которой снято влияние лексических и грамматических единиц, сохраняет в сигнале значимые параметры вокально-речевой интонации. Отобранные для эксперимента народные песни (см. выше) не входят в репертуар народных и часто исполняемых песен, например, городского фольклора (как говорится, они не на слуху), их не содержат традиционные программы музыкальных учебных заведений, что виделось существенным условием для включения их в экспериментальный корпус.

В эксперименте приняли участие 120 человек в возрасте от 23 до 58 лет:

Инвентарь эмоциональных смыслов
ВФ «русская народная песня»

Базовые	Вторичные	Базовые	Вторичные
радость ↑	веселье ↗ хвала ↗ похвальба ↗	гнев ↑ горе↑	укор ↘ страдание ↘ грусть ↘
эмоциональный модус «мажор»		эмоциональный модус «минор»	

Примечание: ↑ высокая субъективная ценность эмоции, ↗ восходящая и ↘ нисходящая субъективная ценность эмоции.

– информанты с гуманитарным образованием (всего 60 человек), из них 30 человек не имели музыкального образования и 30 человек с музыкальным образованием (группа ИГ и группа ИГ/м);

– информанты с техническим образованием (всего 60 человек), из них 30 человек без музыкального образования и 30 человек с музыкальным образованием (группа ИТ и группа ИТ/м). Участники эксперимента, обозначенные как испытуемые с музыкальным образованием, обучались в детстве в музыкальной школе, посещали музыкальную студию, пели в хоре, занимались с профессиональным педагогом вокалом или игрой на музыкальном инструменте, т.е. имели специальное отношение к музыке. В процессе занятий музыкой формируются навыки дискретного слышания мелодии, развивается пассивный музыкальный слух (присущий практически всем людям), складывается и расширяется «музыкальная библиотека». В настоящем эксперименте предстояло выяснить, в какой степени дополнительные музыкальные навыки проявляются при восприятии вокально-музыкальной речи.

Эксперимент состоял из двух этапов, каждый из которых включал два отдельных сеанса. На *этапе 1* испытуемому предлагалось прослушать вокальную фразу (аудиозапись) вначале без задания, а затем с просьбой отметить в протоколе свое ощущение, выбрав один из трех ответов: «Русская народная песня» (А), «Не русская песня» (В), «Затрудняюсь сказать» (С). Вокально-музыкальный материал этапа 2 составили десять песен, которые большинством испытуемых во всех группах были обозначены как «русская народная». Испытуемый получал задание обозначить эмоцию, воспринятую им в вокальной фразе. Была создана ментальная установка в виде набора лексических единиц, обозначающих базовые и производные от базовых эмоций (по Е.Н. Винарской). Перечень эмоций был уточнен и дополнен на основе данных отдельного слухового анализа вокального материала, произведенного двумя профессиональными музыкантами – педагогами отделения народного хорового пения (табл. 1). Согласно нейролингвистической концепции Е.Н. Винарской, эмоции представляют иерархию регуляторных механизмов мозга, которая складывается в результате физиологической динамики мотивационно-активационных состояний человека. Интенсивность мотивации связана со степенью выраженности эмоции и характеризуется нарастающей напряженностью, восходящей субъективной ценностью (↗ мажорный модус) или убывающей напряженностью, нисходящей регрессивной субъективной ценностью (↘ минорной модус). Исследования речевого онтогенеза и речевой патологии показали наличие трех базовых эмоций (↑ радость, гнев/страх, горе), они универсальны и имеют высокую субъективную ценность. Остальные эмоции, получившие в языке многочисленные лексические обозначения, являются производными от базовых, или вторичными. Характерные для русской народной песни эмоциональные смыслы, такие как укор (в обрядовых свадебных), хвала (песни о ратных подвигах, солдатские), похвальба (в молодецких игровых) были отнесены нами к вторичным.

Ход эксперимента. Этап 1. Эксперимент носил индивидуальный характер. Задание испытуемому, не знакомому с целями эксперимента, формулировалось следующим образом: «Прослушайте запись. Что Вы услышали?» Если после первого предъявления фрагмента ответ не содержал указания на жанр и язык, а испытуемый отвечал, например, «женщина поет», экспериментатор спрашивал: «Что она поет?», затем предлагались возможные варианты, отмеченные в протоколе 1 (А, В, С – см. выше). Материал первого этапа включал 17 вокальных фраз, 13 русских и 4 франко-немецких мотивов в перемешанном порядке. Предлагалось не более двух прослушиваний. Части испытуемых требовались одно-два дополнительных предъявления. Между двумя мотивами делался перерыв (не менее 4–5 мин.), чтобы избежать эффекта удержания предшествующего сигнала. Второй сеанс проводился не ранее чем через 3 дня. Во втором сеансе заполнялся новый протокол. Целью первого этапа стало определение первой перцептивной реакции носителя русского языка на звучащую вокальную фразу. Мы предполагали, что испытуемые с музыкальным образованием и музыкальной практикой будут верно идентифицировать единицы русской народной песни и достаточно уверенно отличать их от нерусских, в отличие от других категорий испытуемых.

Этап 2. Второй этап эксперимента был направлен на выявление интерпретационной функции языкового сознания при восприятии эмоционального смысла в звучащей вокально-музыкальной фразе. Вокально-музыкальный материал составили десять мотивов, которые большинством испытуемых были восприняты как вокальные фразы «русских народных песен». Испытуемый получал задание определить, какой смысл выражен в звучащей фразе. Вопросы экспериментатора формулировались следующим образом: «О чем говорит/поет женщина? Как звучит эта фраза? Какое настроение во фразе?» Ответы пилотного эксперимента («она поет о себе», «фраза звучит светло», «настроение задумчивое» и пр.) убедили нас в необходимости создать установку в виде лексической опоры. После двух предъявлений испытуемый отмечал в протоколе ту эмоцию, какую он воспринял в вокальном фрагменте. Протокол включал базовые и вторичные эмоции (см. табл. 1) без дополнительных обозначений. Испытуемый мог указать другую эмоцию, если, по его мнению, в протоколе нет подходящей единицы. Данный этап также включал два сеанса.

Полученные данные. Выводы. По сумме двух сеансов на двух этапах эксперимента были получены 280 протоколов и проанализированы 6 480 реакций.

Как представлялось изначально, следовало ожидать проявление довольно ясной градации слуховой чувствительности в восприятии музыкально-речевого сигнала у выделенных категорий испытуемых. Очевидно, что инвентарь, или «фонд» перцептов вокальной музыки у различных социальных групп носителей одного языка не совпадает ни по количественному составу, ни по объему (музыкальных) перцептивных характеристик. Это объясняется целым рядом объективных и субъективных факторов: возрастом, индивидуальными качествами слуха, наличием певческого опыта, приобретенного в процессе обучения (в музыкальной школе, студии) или домашнего музицирования, а также эмоциональным и коммуникативным настроением в момент эксперимента, психологическим складом личности и другими факторами.

Анализ данных свидетельствует о наличии в перцептивной базе носителя языка *интонационных* эталонов, определяемых сознанием как музыкально-речевая фраза «своего», родного, или, наоборот, «чужого», неродного, языка. Уже при первом предъявлении вокальной фразы большинство респондентов отреагировали: «*русская народная песня*». Из 13 ВФ русскоязычного фольклора 10 фраз-мотивов были идентифицированы большинством испытуемых всех четырех групп как «*русские*»: доля случаев «слышания» русской интонации в мотиве составила от 52 до 98% по отдельным единицам. При этом половина мотивов (пять ВФ) несколько больше узнавалась группой гуманитариев и половина (пять других ВФ) группой испытуемых с техническими специальностями.

Согласно количественным данным, испытуемые, имеющие специальный музыкальный опыт, составили заметно более высокую долю идентификации родного языка в звучащей ВФ – на 15% выше, чем испытуемые без музыкального опыта. Существенной разницы в восприятии гуманитариев и людей с техническими профессиями не наблюдается. Мотивы ВФ иноязычного фольклора в целом были услышаны всеми группами испытуемых с долей оценки «*не русский*» от 50 до 88% по отдельным текстам. Оpozнание «не родного» звучания интонации в группе гуманитариев имело несколько большую частотность (70–85%), чем у испытуемых технических профессий (50–73%). У испытуемых с музыкальным опытом доля идентификации составила от 73 до 88%.

В целом выявляется общая тенденция к разделению слухом «родного» и «чужого» в музыкально движущемся сигнале (тон голоса), что доказывает наличие образца, единого *доминантного эталона* данного жанра речи и его вариантов, в языковом сознании, который и обуславливает возникновение перцепта. Понятие сенсорного образца, сенсорного эталона вокальной формы сродни термину перцептивной фонетики. Эталон суть абстрактная фонетическая (интонационная) единица, представленная в перцептивной базе комплексом дифференциальных и интегральных признаков [10]. Эталон вокальных форм следует отличать от хранящихся в памяти конкретных мелодий. Это скорее абстрактный образец возможных в данной музыкальной и языковой культуре звучаний тона голоса. «Сенсорные доминанты» музыкально-языкового сознания (термин концепции интонирующей психики

А.В. Тороповой) имеют культурно-типический и индивидуальный характер [18], их набор не одинаков у различных категорий носителей языка. На уровне перцепции предпочтительнее использовать термин *доминантный эталон*. Эталон в составе эталонов интонационных средств и единиц в перцептивной базе человека («отзывается» на сигнал вокальной фразы – эталон звучания русской фразы в вокальной форме. Вариантами интонационного эталона родного языка являются мелодические формы, тональные признаки минорных и мажорных эмоциональных смыслов, мужских и женских тембров, оперного и бытового стиля фonaции и, возможно, других. Описание формальных признаков (акустических, перцептивных, ладомелодических) воспринимаемых смыслов вокальной фразы – задача отдельного фонетического и психолингвистического исследования.

В эксперименте второго этапа перцептивное ощущение называлось испытуемым лексической единицей языка, обозначающей одну из эмоций. При отсутствии словесного текста музыкальная речь – это не что иное, как интонационно выраженная эмоция (согласно концепции Е.Н. Винарской). Логично предполагать, что эмоциональная составляющая выступает ведущей в структуре возникающего перцепта. При указании воспринятой эмоции некоторые испытуемые, выбрав одно из лексических обозначений, дополнительно указывали: «*светлая грусть*», «*беззаботность*», «*жалоба женщины*», «*игривость*» и др. Данные вербальные единицы не изменяют кардинально обозначение эмоционального характера звучания, являясь лексическими вариантами (синонимами) для называния ощущений, производных от базовых эмоций. Во втором сеансе в нескольких мотивах (от двух до пяти ВФ из десяти) слушатель выбирал другую лексическую единицу. При этом субъективная оценка в большинстве случаев не выходила за границу минорной/мажорной зоны, в которой была отмечена ранее эмоциональная реакция (сеанс 1); ощущение (в данный момент перцепции) получало направленность либо в сторону усиления степени напряженности (например, от «радости» к «похвальбе» или «веселью»), либо, наоборот, в сторону ослабления (от «горя» к «страданию» или «грусти»). По данным анализа названных эмоций выявилась определенная направленность в восприятии вокальной речи (табл. 2, 3). Картина тенденций сложилась по преимущественным показателям. В случае возможного разброса вербальных оценок по девяти эмоциям (табл. 1), возникающего под влиянием различных факторов, существенным представляется количество одинаковых реакций у 30% слушателей. Наиболее частотные оценки эмоционального смысла в шести из десяти мотивов (ВФ 07, ВФ 09, ВФ 10, ВФ 13, ВФ 15 и ВФ 16) составили от 57 до 72% ответов, с учетом двух самых частотных показателей, когда одна или две эмоции были отмечены от 69 до 86 раз в полученных 240 ответах по каждому отдельному мотиву.

Тенденция, выраженная в математических величинах, установлена в нашем эксперименте с участием 120 представителей языкового коллектива, восприятие которых демонстрирует общекультурный слой музыкально-языкового сознания.

Как видно из табл. 2 и 3, у испытуемых всех четырех групп возникали однонаправленные ощущения эмоционального характера, за исключением одного мотива (ВФ 01).

Таблица 2
Восприятие эмоции в ВФ мажорного модуся по группам испытуемых

№ ВФ	Семантика ВФ	ИГ	ИГ/м	ИТ	ИТ/м
09	Игровая, трудовая, молодецкая	радость (1)	веселье (1) похвальба (2)	веселье	веселье
02, 04, 16	Игровая, свадебная, вечерочная	радость (1) веселье (2)	радость (1) похвальба (2)	веселье (1) радость (2)	похвальба (1) радость (2)

Примечание. ВФ – вокальная форма, ИГ – испытуемые с гуманитарным образованием, ИГ/м – испытуемые с гуманитарным и музыкальным образованием, ИТ – испытуемые с техническим образованием, ИТ/м – испытуемые с техническим и музыкальным образованием. Эмоция (1) – преимущественный количественный показатель ($\Sigma = 72 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 72 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 30% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение; эмоция (2) – второй по частотности показатель ($\Sigma = 60 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 60 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 25% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение.

Таблица 3
Восприятие эмоции в ВФ минорного модуся по группам испытуемых

№ ВФ	Семантика ВФ	ИГ	ИГ/м	ИТ	ИТ/м
07, 01	Женские страдания, свадебная	грусть (1) страдание (2)	грусть (1) страдание (2)	грусть (1) радость (2)	грусть (1) радость (2)
10	Хороводная лирическая	грусть	грусть (1) укор (2)	грусть	грусть
11	Хороводная игровая, корильная	гнев	укор (1) похвальба (2)	страдание	грусть
13, 15	Девичьи страдания	страдание	страдание (1) грусть (2)	грусть (1) страдание (2)	страдание (1) грусть (2)

Примечание. ВФ – вокальная форма, ИГ – испытуемые с гуманитарным образованием, ИГ/м – испытуемые с гуманитарным и музыкальным образованием, ИТ – испытуемые с техническим образованием, ИТ/м – испытуемые с техническим и музыкальным образованием. Эмоция (1) – преимущественный количественный показатель ($\Sigma = 72 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 72 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 30% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение; эмоция (2) – второй по частотности показатель ($\Sigma = 60 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 60 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 25% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение.

Наблюдается определенное различие в восприятии вокальной речи. Испытуемые с музыкальным опытом в мажорных мотивах с семантикой игровых молодецких песен обозначали наряду с базовой эмоцией «ра-

дость» и эмоцию «похвальба», называя ее также «хвастовство», «бахвальство». В минорных игровых корильных песнях гуманитарии с музыкальным образованием значительно чаще других участников слышали «укор». Эти данные могут свидетельствовать, вероятно, о несколько более широком наборе интонационных образцов (и, как следствие, возникающих перцептов) в музыкально-языковом «словаре» людей, имеющих более близкое практическое отношение к музыке.

Однако в целом данные эксперимента свидетельствуют о едином интонационном восприятии двух различных социальных (профессиональных) групп. Несмотря на влияние целого ряда факторов, о которых было сказано выше, носители языка воспринимают вокальную музыку как речь, транслирующую знакомые эмоциональные смыслы. Само восприятие слушающего носит эмоциональный характер. Распознавание эмоции происходит в одной зоне, а количественные показатели совпадающих реакций значимы с точки зрения психолингвистики. Выбор вербального обозначения эмоционального смысла в одной зоне модальности свидетельствует о функционировании общих ментальных кодов, формирующих один из интонационных перцептов, хранящихся в языковом сознании. Такие эмоциональные смыслы, как «похвальба» и «укор», вероятно, социально обусловлены, их сенсорные эталоны содержат интонационный инвентарь («интонационный фонд») людей гуманитарных профессий и имеющих музыкальное образование, что подтверждает ранее полученные результаты в эксперименте с профессиональными музыкантами [23].

Заключение

Проведенные эксперименты доказывают, что восприятие звучания в комплексе акустических параметров тона имеет национально интонационную направленность, несмотря на субъективность эмоциональной оценки и размытость граней между ощущениями от звучания. Реализуемая голосом мелодия (без артикуляции) интонируется психикой (по выражению А.В. Тороповой) слушателя. Процесс восприятия обусловлен культурно-этническим характером психических механизмов и действиями музыкально-языкового сознания. Это ощущение движущегося тона голоса оценивается в отношении принадлежности к национальной культуре и языку, о чем свидетельствуют уже первые вербальные реакции испытуемых, например, такие как «Типично русская народная песня», «Моя бабушка любит такие песни», «Прям русская душа поет!», «А эта не русская что ли?», «Как будто не русская народная» и др. То есть с высокой долей уверенности опознается (вокально-речевой) жанр и интонация родного языка. На данном этапе исследования можно утверждать, что существенных различий в восприятии музыкального сигнала «русская народная песня» у людей разных профессиональных категорий нет.

Возникновение перцепта обусловлено эмоциональным характером мотива, связанным с жанровой семантикой песни.

Так, народные песни «женские страдания», «девичьи лирические» вызывают у слушателя эмоции минорного модуса «страдание», «укор», «грусть», «горе». Вокальные формы жанров «игровая свадебная молодецкая», «игровая вечерочная», «трудовая» определяются как эмоции «радость», «веселье», «похвальба». Музыкально-языковое сознание носителей языка с гуманитарным или техническим образованием отличается набором перцептивных доминант. Их несколько больше у гуманитариев в сравнении с людьми технических профессий, что позволяет говорить о социальной основе объема перцепта. У слушателей с музыкальным опытом доля доминант еще более расширена. Перцепт «похвальбы» возникает при восприятии мотивов с мажорной семантикой. В минорных вокальных формах у гуманитариев с музыкальным опытом активируется также интонационный перцепт «укора», помимо общих для всех носителей языка перцептивных

доминант «страдания», «грусти», «горя». Вербальная характеристика служит доказательством наличия перцепта, имеющего для носителей языка смысл «русская народная песня».

Перцепт «русская народная песня» имеет высокую аудиальную активность в языковом сознании носителей языка. В составе слухового образа (перцепта) являются следующие компоненты: интонация родного/неродного языка, вокально-речевой жанр и признаки, характеризующие эмоцию.

Подчеркнем, что сделанные обобщения основаны на данных от испытуемых, составляющих категорию «неотобранные популяции» (термин в психологии), что выступает одним из основных принципов психолингвистического эксперимента. В дальнейших исследованиях планируется выяснить, соотносится ли перцепт вокальной формы с коммуникативными типами предложения.

Примечания

¹ М. Балакирев. Русские народные песни. М. : Музгиз, 1957.

² Lieder von Volkslied // Alojado Lieder Archiv. URL: http://lieder-archiv.de/texte_von-volkslied-pid6571.html

Список источников

1. Ананьев Б.Г. Слуховые ощущения // Теория ощущений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 202–243.
2. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей // Избранные труды : в 2 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1985. С. 42–222.
3. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального восприятия. М. : Музыка, 1972. 383 с.
4. Морозов В.П. Биофизические основы вокальной речи. М. : Наука, 1977. 232 с.
5. Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование. М. : Советский композитор, 1986. 240 с.
6. Ланглебен М. Вокальная мелодия в плену языка // Музыка и незвучащее / под ред. Вяч.Вс. Иванова, Е.В. Петмякова, Т.В. Цивьян. М. : Наука, 2000. С. 91–116.
7. Торопова А.В. Феномен интонирования как знаковая функция // Развитие личности. 2012. № 1. С. 136–151.
8. Потапова Р.К., Потапов В.В. Синкретический дуализм музыки и речи как особый семиотический феномен бытия человека // Человек: Образ и сущность. 2018. № 3 (34). С. 52–71.
9. Морозов В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух. М. : Ин-т психологии РАН, 2017. 560 с.
10. Джапаридзе З.Н. Перцептивная фонетика (основные вопросы). Тбилиси : Мецниереба, 1985. 118 с.
11. Величкова Л.В., Петроченко Е.В. «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 133–143.
12. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 2003. 287 с.
13. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М. : Языки славянских культур, 2006. 496 с.
14. Хитина М.В. Использование перцептивно-слуховой информации для определения фонетических и обличковых характеристик диктора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 15 (754). С. 216–224.
15. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 370 с.
16. Чаплин В.Л. Физиологические основы формирования певческого голоса в аспекте регистровой приспособляемости. М. : ИнформБюро. 2009. 179 с.
17. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, 2. М. : Ленинград; Музыка, 1971. 376 с.
18. Торопова А.В. Феномен интонирования в генезисе музыкально-языкового сознания // Развитие личности. 2015. № 3. С. 54–63.
19. Гарипова Н.М. О механизмах когнитивных процессов психики при восприятии музыки // Когнитивные исследования на современном этапе (КИСЭ – 2017) : материалы Всероссийской конференции. Казань : Изд-во Казанского федерального университета, 2017. С. 323–331.
20. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. 685 с.
21. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Иванова В.Ю., Серикова О.Н. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования / под общ. ред. Л.В. Величковой. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. 136 с.
22. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). 2-е изд. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2003. 172 с.
23. Петроченко Е.В. Восприятие мелодии народной песни как результат действий ментальных кодов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 93–101.

References

1. Anan'ev, B.G. (1961) Slukhovyе oshchushcheniya [Auditory Sensations]. In: *Teoriya oshchushcheniy*. Leningrad: LSU. pp. 202–243.
2. Teplov, B.M. (1985) Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey [Psychology of Musical Abilities]. In: *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 42–222.
3. Nazaykinskiy, E.V. (1972) *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya* [On the Psychology of Musical Perception]. Moscow: Muzyka.
4. Morozov, V.P. (1977) *Biofizicheskie osnovy vokal'noy rechi* [Biophysical Foundations of Vocal Speech]. Moscow: Nauka.
5. Alekseev, E.E. (1986) *Rannefol'klornoe intonirovanie* [Early Folklore Intonation]. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
6. Langleben, M. (2000) *Vokal'naya melodiya v plenu yazyka* [Vocal Melody in the Captivity of Language]. In: Ivanov, Vyach.Vs., Petmyakov, E.V. & Tsiv'yan, T.V. (eds) *Muzyka i nezvuchashchee* [Music and the silent]. Moscow: Nauka. pp. 91–116.
7. Toropova, A.V. (2012) Fenomen intonirovaniya kak znakovaya funktsiya [The Phenomenon of Intonation as a Sign Function]. *Razvitiye lichnosti*. 1. pp. 136–151.

8. Potapova, R.K. & Potapov, V.V. (2018) Sinkreticheskiy dualizm muzyki i rechi kak osobyi semioticheskiy fenomen bytiya cheloveka [The Syncretic Dualism of Music and Speech as a Special Semiotic Phenomenon of Human Existence]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'*. 3 (34). pp. 52–71.
9. Morozov, V.P. (2017) *Yazyk emotsiy i emotsional'nyy slukh* [The Language of Emotions and Emotional Hearing]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
10. Dzhaparidze, Z.N. (1985) *Perceptual Phonetics (Basic Issues)* [Perceptual Phonetics (Basic Issues)]. Tbilisi: Metsniereba.
11. Velichkova, L.V. & Petrochenko, E.V. (2021) "Vokal'naya forma" kak muzykal'no-foneticheskiy rechevoy zhanr: aspekty izucheniya ["Vocal Form" as a Musical-Phonetic Speech Genre: Aspects of Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 20 (2). pp. 133–143.
12. Leont'ev, A.A. (2003) *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
13. Potapova, R.K. & Potapov, V.V. (2006) *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, Speech, Personality]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
14. Khitina, M.V. (2016) Ispol'zovanie pertseptivno-slukhvoy informatsii dlya opredeleniya foneticheskikh i oblichevykh kharakteristik diktora [The Use of Perceptual-Auditory Information to Determine the Phonetic and Facial Characteristics of the Speaker]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 15 (754). pp. 216–224.
15. Zhinkin, N.I. (1958) *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of Speech]. Moscow: USSR Academy of Pedagogical Sciences.
16. Chaplin, V.L. (2009) *Fiziologicheskie osnovy formirovaniya pevcheskogo golosa v aspekte registrovoy prisposoblyaemosti* [Physiological Foundations of Singing Voice Formation in Terms of Register Adaptability]. Moscow: InformByuro.
17. Asaf'ev, B.V. (1971) *Muzykal'naya forma kak protsess* [Musical Form as Process]. Books 1, 2. Moscow: Leningrad; Muzyka.
18. Toropova, A.V. (2015) Fenomen intonirovaniya v genezise muzykal'no-yazykovogo soznaniya [The Phenomenon of Intonation in the Genesis of Musical-Linguistic Consciousness]. *Razvitie lichnosti*. 3. pp. 54–63.
19. Garipova, N.M. (2017) O mekhanizмах kognitivnykh protsessov psikhiki pri vospriyatii muzyki [On the Mechanisms of Cognitive Processes of the Psyche in Music Perception]. In: *Kognitivnye issledovaniya na sovremennom etape (KISE – 2017)* [Cognitive Research at the Current Stage (KISE – 2017)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kazan: KFU. pp. 323–331.
20. Vekker, L.M. (1998) *Psikhika i real'nost': edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov* [Psyche and Reality: A Unified Theory of Mental Processes]. Moscow: Smysl.
21. Velichkova, L.V., Abakumova, O.V., Ivanova, V.Yu. & Serikova, O.N. (2010) *Ekspressivnye sredstva rechi: psikholingvisticheskie issledovaniya* [Expressive Means of Speech: Psycholinguistic Studies]. Voronezh: Izd-vo VSU.
22. Vinarskaya, E.N. (2003) *Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale russkoy poezii)* [Expressive Means of the Text (Based on Russian Poetry)]. 2nd ed. Voronezh: VSU.
23. Petrochenko, E.V. (2023) Vospriyatie melodii narodnoy pesni kak rezul'tat deystviy mental'nykh kodov [Perception of Folk Song Melody as a Result of Mental Code Actions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 8 (876). pp. 93–101.

Информация об авторе:

Петроченко Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии, специалист Научно-методического фонетического центра Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: petrochenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Petrochenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: petrochenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2025;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 08.02.2025;
approved after reviewing 05.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*